

ГЛАВА ВТОРАЯ

Фамилии Габсбургов, Виттельсбахов, Люксембургов. — Фридрих Красивый и Людовик Баварский. — Правление Людовика. (1313–1347)

Таким образом, неожиданная кончина императора разрушила план нового усиления германской короны путем возобновления римского имперского достоинства. Для Германии кратковременное царствование Генриха VII имеет значение лишь в том смысле, что оно выдвинуло в ряды уже имевшихся владельцев домов и Люксембургский дом, имевший такие же высокие притязания. Вследствие этого установление наследственной монархии, уже достигнутое во Франции, Англии и государствах Пиренейского полуострова или близкое там к осуществлению, снова было замедлено для Германии, а борьба знатных фамилий за корону вдвойне усилилась. Из пяти сыновей Альбрехта I второй — *Леопольд* — умом и энергией превосходил других. Он хотел предоставить корону своему старшему брату, главе дома, *Фридриху*, с которым был тесно связан истинно братской любовью. Фридрих был добрым, лично храбрым, но ограниченным человеком, при этом обладавшим величавой наружностью, благодаря которой он заслужил прозвище «Красивый», не часто достававшееся членам Габсбургского дома. Он на всякий случай принял свои меры еще до события 1313 г. Он мог, видимо, рассчитывать на курфюрста Кельнского — архиепископа Генриха, пфальцграфа Рудольфа Рейнского, герцога Рудольфа Саксонского и двух бранденбургских маркграфов; следовательно, пять из семи избирательных голосов были на его стороне. Во главе партии, противоположной Габсбургам, стоял *Петр, архиепископ Майнцский*. Голоса за Трир и Чехию были в руках Люксембургского дома, т. к. архиепископом в этих областях был брат покойного императора Балдуин. Эта партия не собиралась проводить своего собственного кандидата, чешского короля Яна. Ему было всего 17 лет, к тому же он не годился уже потому, что был сыном последнего короля. Поэтому партия избрала своего кандидата из Виттельсбахов, герцога Верхней Баварии *Людвига (Людовика)*, только что заслужившего громкую славу блистательным военным делом — победой над дворянами Нижней Баварии и их союзником, австрийским герцогом Фридрихом. Людовик, с помощью своих городов, разбил противников при Гаммельсдорфе 9 ноября 1313 г. Это был государь дельный, достойный своего положения, но бедный, не располагавший большой силой и, следовательно, остававшийся зависимым от своих избирателей. Его легко убедили в том, что он может не сдерживать обещания, данного им герцогу Фридриху, товарищу его юности, после битвы при Гаммельсдорфе, — обещания поддерживать его, Фридриха, в притязаниях на корону. Это обещание, говорили ему, теряет свою силу, если ту же корону предлагают ему самому. Вследствие этого произошло двойное и

Габсбурги
и Люксембурги.

весьма сомнительное избрание. В Заксенхаузене меньшинство — Кельн, Пфальц, Саксония — провозгласило королем Фридриха, а большинство — Майнц, Трир, Бранденбург, Чехия — избрали Людовика. Фридриха короновал в Бонне архиепископ Кёльнский, Людовика — в Аахене архиепископ Майнцкий, следовательно — над первым был совершен обряд надлежащим лицом, но не в

Королевская печать Фридриха Австрийского.

Надпись по кругу: «+FRIDERICVS DEI GRACIA ROMANORVM REX SEMPER AVGVSTVS».

надлежащем месте, а над вторым — в надлежащем месте, но не надлежащим лицом.

**Между-
усобица.
Фридрих
Краси-
вый. Лю-
довик Ба-
варский.**

Это привело к долголетней междуусобной войне. Характерно для времени то обстоятельство, что родной брат Людовика, пфальцграф Рудольф, был на стороне его противников. Северная Германия почти не принимала участия в этой войне, обуреваемая другой борьбой: весь Север разделился на две партии — немецко-городскую и датско-славянскую. На стороне последней были северные государи, дома Асканийский и Вельфский, короли Польши, князья Мекленбургские. На другой стороне были маркграф Бранденбургский и некоторые города. Спор был вызван одним из них, Штральзундом. В 1316 г. его осадила

большая армия союзных князей. Граждане сделали удачную вылазку против саксонского герцога Эриха, ближе других подошедшего к городу, причем взяли в плен его самого и других знатных лиц. К великому посрамлению князей, победу при Хайнхольце над ними одержали ремесленники. Но союзник городов маркграф Бранденбургский был не так удачлив: он был наголову разбит при Гранзее. В этом случае победе тоже способствовали плебейские элементы, а именно низшие крестьяне, храбро сражавшиеся в рядах противников маркграфа. Заключенный в Темплине мир (1317 г.) прервал эту резню, но ненадолго.

Такое энергичное вмешательство демократического элемента в общий ход событий, противопоставленное элементу рыцарско-аристократическому, вызывает большой интерес к южно-германской войне, продолжавшейся безрезультатно 8 лет. Рыцарство и родовитые горожане были расположены в пользу Австрии. Приобретавшие силу городские элементы — цехи — стояли за Баварию. Города помогали королю Людовику, ссужая его кредитами и деньгами, в которых он нуждался. Впрочем, эта война, которая была причиной неурожая и длившейся три года дороговизны (1315—1318) вследствие опустошения края, была не очень кровопролитной благодаря малочисленности армий, а также вследствие того, что прерывалась на месяцы и даже годы из-за истощения средств у противников.

Швейцария. Битва при Моргартене. 1315 г.

Император Людовик Баварский.

Изображен в полном рыцарском вооружении первой четверти XIV в. Рельеф в человеческий рост, из красного песчаника, раньше находившийся на башенке торгового дома в Майнце. 1313 г.

Австрийские войска потерпели большое поражение в 1315 г. в Верхней Аламаннии. События, которые привели к образованию *Швейцарского Союза*, из-за тенденциозного рассказа летописцев послужили предметом не менее пристрастной легенды, сочиненной победителями, и, воплощенные позднее в чудесном поэтическом произведении, озарились блеском, не утратившим своего очарования и даже правдоподобия, несмотря на тщательные и беспристрастные исследования, по которым оказывается, что бесчеловечность австрийских наместников была передана в сильно искаженном и преувеличенном виде и что рассказ о знаменитом выстреле *Вильгельма Телля* в яблоко, а затем в сердце габсбургского наместника — не более чем древняя сага северного происхождения, лишь воссозданная с необыкновенной жизненной силой. Существенно же во всем этом следующее: и здесь, в горах, демократические начала усиленно прокладывали себе дорогу, несмотря на преобладание аристократии, ленных владетелей и высшего духовенства, рыцарства и патрициата. В Альпах, в местностях, прилегающих к Фирвальдштеттскому озеру (Швице, Ури и Унтервальдене), строй жизни был демократическим. Рудольф Габсбургский имел владения в Верхней Аламаннии. После его смерти его дом получил наследственные владетельные права над вышеназванными тремя кантонами, а сын Рудольфа Альбрехт задумал соединить эти земли в горной Швейцарии в одно австрийское княжество. Указанные три кантона, как и многие современные им общины, учитывая предполагаемый австрийский план или опасаясь самой его возможности, заключили между собой «вечный союз», который и следует считать возникновением *Швейцарского Союза* (1291 г.). Впредь Швейцария всегда оставалась на стороне противников Габсбургского дома. Она признала королем Людовика; герцог Леопольд собрал в 1315 г. цвет горного дворянства и мелких владельцев Фирвальдштеттского округа, образовав из них блестящее рыцарское воинство, до того уверенное в победе, что оно запасло даже веревки для связывания пленных. Горцы, которых было не более 1300 человек, вооруженные секирами, стояли на крутом склоне, спускавшемся к озеру Эгери и известном под названием *Моргартена*, когда 15 октября на юго-западном берегу озера показалось войско, поднимавшееся вверх по долине. Крайняя неосторожность, с которой рыцари вступили на пересеченную местность, заставила их потерпеть полное поражение. Битва длилась не более полутора часов. Рыцарский отряд был разбит и мог спастись только бегством, но неподготовленные к отступлению рыцари были почти все изрублены или сброшены в озеро. Герцог, под невзрачной наружностью которого скрывалась гордая и честолюбивая душа, едва не был убит таким позором, а победа, привлекая повсеместное внимание, послужила на пользу Людовику. Однако междуусобица продолжалась с переменным успехом, ведя к общей деморализации. Характерно, например, то, что три рейнские курфюрста заключили в Кобленце в 1318 г. договор, который каждому из них предоставлял право помогать избранному им римскому королю, с одним условием: не вредить своим союзникам.

Битва при Мюльдорфе. 1322 г.

Обе стороны подготовились к решительному сражению лишь в 1322 г. Фридрих вел с востока войска на соединение с войсками, которые его брат

Леопольд собрал в Швабии. Но, увлекшись своей рыцарской отвагой и понадеявшись на многочисленность армии, он имел неосторожность принять бой на Ампфингерской пустоши вблизи городка *Мюльдорфа*, на левом берегу Инна. Он был не прочь решить дело единоборством между вождями, как при Гельхайме, но Людовик, имевший более зрелые и практические идеи насчет обязанностей главнокомандующего, не согласился на это. Битва длилась десять часов, и участь ее решил нюрнбергский бургграф Фридрих из дома Гогенцоллернов, примкнувший к Людовику. Он сделал обход, который обманул австрийцев, принявших вначале его войска за вспомогательный отряд Леопольда, ожидавшийся с таким нетерпением. В числе добычи, доставшейся победителю, был и сам анти-король Фридрих. Людовик обошелся со своим сверстником, товарищем его детства в Вене, с той рыцарской вежливостью, которая высоко ценилась современным обществом. Местом его заточения была назначена крепость Траузниц на Инне (1322 г.). Вместе с Фридрихом были взяты в плен 1400 его рыцарей. Победа при Мюльдорфе могла считаться одержанной бюргерством, потому что в армии Людовика, благосклонного к горожанам, находилось много городских представителей, составлявших особые команды, по цехам. Если верить одной старинной балладе, воспевающей цехи, все сражение было выиграно лишь благодаря мюнхенским пекарям.

Эта победа возвеличила Людовика на некоторое время и дала ему возможность приобрести территорию, в которой крайне нуждалась корона Виттельсбахов в то время и в будущем. Дом *Асканиев*, правивший в Бранденбургской марке два столетия, угас с Вальдемаром (1319 г.) или его племянником Генрихом (1320 г.). Король Людовик мог теперь отдать эту область в лен своему 12-летнему сыну Людвигу. Но, по сравнению со всем прочим, его положение было затруднительным. Опаснейший из его противников, герцог Леопольд, был на свободе и мог применить так или иначе свои силы и свою многостороннюю предприимчивость. Передача владения маркой королевскому сыну было с неудовольствием встречено люксембургцами, важнейшими союзниками Людовика; поэтому Леопольду было очень легко устроить интригу, в которую были бы вовлечены Франция и папа. Во Франции, где произошла быстрая смена правления (за Филиппом IV последовал его сын Филипп V), царствовал тогда *Карл IV*, вступивший на престол в 1322 г. после смерти своего брата и возобновивший притязания Филиппа Красивого на германскую корону. В то же время папа *Иоанн XXII*, занявший папский престол после того, как он долго пустовал, был совершенно на стороне Франции (с 1316 г.). Он поклялся в Лионе своим избирателям, что не оседлает животного иначе как для возвращения в Рим, поэтому и отправился в Авиньон вниз по Роне на галере.

Столкновение произошло уже в 1323 г. С той беззастенчивостью курьезной логики, которая оставалась незыблемой в течение веков, папа стал проводить мысль, что клятва, произносимая германскими государями при их

*Печать Карла IV
Французского
(1321–1327).*

**Завоевание
Бранденбургской
марки.**

**Столкновение
с папой.**

венчании императорской короной и состоявшая собственно лишь в обете защищать церковь от ее врагов, есть клятва ленная, из чего Климент V выводил, что назначение обладателя прав на императорскую корону при опустении германского престола принадлежит в Италии одному папе. Удивляться этому не приходилось, и преемник Климента отдал, сообразно этому воззрению, императорские права неаполитанскому королю Роберту, чему воспротивился вождь гибеллинов в Верхней Италии Маттео Висконти, герцог Миланский. Папа Иоанн не замедлил начать с ним процесс как с еретиком и «службой дьявола». Маттео умер в год битвы под Мюльдорфом. Восемьсот рейтаров, посланные Людовиком сыну этого Маттео, Галеаццо Висконти, наследовавшему ему в Милане и снова придавшему силы партии гибеллинов, послужили поводом к новому политико-церковному столкновению, неизбежному при новой форме, в которую облакались старые папские притязания, но принявшему во многих отношениях иной характер, чем прежние споры. В то время, как папы со времен Генриха IV всегда находили союзников в стремившихся к расширению власти немецких владетелях, Иоанн встретил теперь скорее противников в этих князьях, ставших государями или почти государями в своих огромных земельных владениях. И если король или император выступил ныне против него, то ратуя за их же интересы и даже более, чем за свои собственные.

Отлучение Людовика.

Иоанн XXII издал в Авиньоне прокламацию, в которой требовал, чтобы Людовик отказался от своих прав на главенство в государстве до тех пор, пока они не будут подтверждены папой. В случае сопротивления он, Людовик, и его приверженцы подлежали отлучению. Людовик протестовал, доказывая, что папское толкование посягает прежде всего на право курфюрстов. Срок, назначенный папой, прошел, отлучение было провозглашено. Людовик настоятельно подтвердил во Франкфурте свое намерение не отступить, предоставляя решение дела вселенскому собору (1324 г.).

Францисканцы и король.

В разгоревшейся борьбе Людовик питал большие надежды на успех, чем кто-либо из прежних немецких королей. Французская интрига не двигалась вперед. Курфюрсты были мало расположены к поддержанию кандидатов из домов, привычных к наследственной власти, и на дипломатических переговорах в Ренсе между уполномоченными от папы, французского короля, герцога Леопольда и духовных курфюрстов при участии еще некоторых духовных сановников предложения двух первых лиц были отклонены. Брат архиепископа Майнцского, влиятельный член Тевтонского ордена Бертольд фон Бухегг дал перевес Людовику, заявив о несогласии ордена с папой Иоанном XXII, который при длительном споре ордена с рижскими архиепископами решил дело в ущерб рыцарям. Еще важнее было, что Людовик нашел себе союзников в *францисканцах*, которые агитировали за него среди народа и публицистическим путем. Спиритуализм, идеализм направления этих монахов представлял сам по себе очень неприятную вещь для господствовавших церковных порядков. Между францисканским и доминиканским орденами шел спор о понимании евангельской нищеты и пределах нищенского обета. Доминиканцы утверждали, что человек, будь он даже и монах, все же имеет право собственности на

безусловно ему необходимое, ежедневно им потребляемое, в то время как францисканцы, или наиболее строгие среди них, не допускали никакой подобной уступки в отношении их обета. Иннокентий IV придумал остроумнейший способ для успокоения взыскательной совести францисканцев и прекращения спора, принимавшего временами слишком опасный характер. Он объявил святейший престол собственником всего, что францисканцы употребляли и чем они владели для своего непосредственного употребления (1245 г.). Но идеализм не удовлетворился таким удачным исходом, и если, как говорили усердные толкователи, сам Христос и апостолы, наши образцы, не имели никакой собственности, то так ли поступали их последователи, папы? Как относилась к этому церковь?.. Вопрос становился щекотливым, до чего он мог бы довести... Учитывая это, папа Иоанн XXII объявил такие воззрения францисканцев ересью, и знаменитые богословы и вожди этого ордена, проживавшие в Авиньоне, поступили благоразумно, удалившись как можно скорее из пределов непосредственного владычества папы. Но орден представлял собой силу, и папские громы оказались малодейственными в Германии, где францисканцы пользовались большим сочувствием, чем доминиканцы.

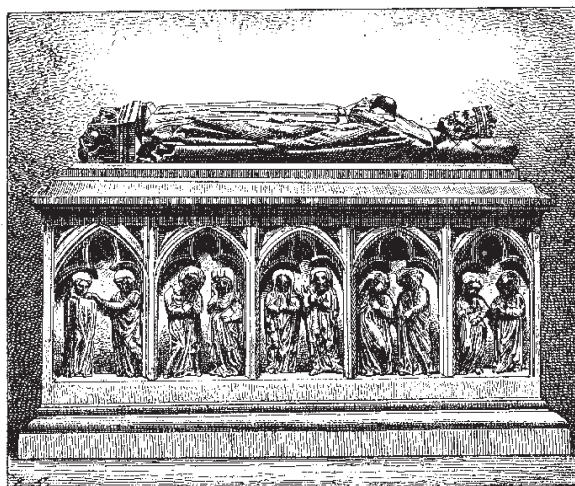
Людовик прежде всего старался примириться с *Габсбургами*. Он вошел в соглашение со своим узником и отпустил его на свободу, но Леопольд не одобрил сделки, и поэтому Фридрих вернулся в Траунсниц в 1325 г., несмотря на то, что папа грозил ему отлучением за этот возврат, т. е. за исполнение данного рыцарского слова. Вскоре Людовик и Фридрих, доверявшие друг другу, как в дни своей юности, согласились на ведение государственных дел сообща. Во время римского похода, в котором герцог Леопольд должен был сопровождать короля Людовика, Фридрих брал на себя управление Германией. Но курфюрсты воспротивились этому договору, заключенному в Мюнхене в январе 1326 г., поскольку он действительно противоречил простому понятию о королевской власти. Дело и не представило, однако, опасности, потому что Леопольд вскоре (в феврале 1326 г.) умер, достигнув лишь 34-летнего возраста, а Фридрих, сам по себе незначительный, потерял опору

Людовик
и Габс-
бурги.

*Святой Франциск Ассизский и его спутник.
Фрагмент картины Джотто.
Париж. Лувр.*

из-за несогласий, возникших среди самой фамилии Габсбургов, из-за происков младшего брата Фридриха Оттона. Папа старался навредить и с другой стороны ненавидимому им королю, от которого ему не удалось еще ничего получить. Он спровоцировал польского короля *Владислава Локетка* вторгнуться в Бранденбургскую марку.

Гробница Владислава Локетка, короля Польши
(ум. в 1333 г.). Краковский собор.

Две армии вступили в область и подвергли ее всем ужасам опустошения, но добились лишь того, что население еще сильнее примкнуло к гибеллинам. В *Берлине*, где один из чужеземных прелатов осмелился обнародовать папский приговор об отлучении молодого маркграфа и короля, его отца, народ самосудом расправился с этим сановником: сжег его перед церковью Мариенкирхе. Таким образом, интердикт (запрещение богослужения) — самое острое и презреннейшее орудие папства, позорящее саму внутреннюю сущность христианства,

— производил здесь, как и во всей остальной Германии, ничтожное впечатление. При заносчиво выступавшем повсюду демократическом духе, обнаруживаемом городами, обыватели находили средства вынуждать духовенство к исполнению треб, а там, где это не удавалось, какое-то время обходились и без обычных церковных обрядов. Польское нашествие, вызвавшее большое негодование, косвенно послужило на пользу королю Людовику, который приступил весной 1327 г. к своему римскому походу, хотя и с небольшими силами, но при хороших предзнаменованиях.

**Людовик
в Риме.
Антипапа.**

Армия Людовика тотчас же после вступления на итальянскую территорию увеличилась, а в Милане его встретили послы города Рима, приглашавшие его на коронацию. Действительно, он был принят с распростертыми объятиями римским населением, которое, с одной стороны, негодовало на перенесение папской резиденции, а с другой — умело воспользоваться отсутствием папского правительства. Людовик вступил в Рим в январе 1328 г. Глава гибеллинского дворянства Шарра Колонна был римским губернатором, «capitano», с подобранным сообразно духу партии городским советом, 52 «conservatori del popolo». Именем их, — потому что, как они говорили, городу, а никак не главе церкви, принадлежит право короновать императоров, — была возложена на Людовика в соборе святого Петра, но мирскими руками, императорская корона, после чего два епископа, находившиеся под интердиктом, совершили над ним

обряд миропомазания. Такой успех, казалось, совершенно одурманил Людовика, разум которого не соответствовал возраставшим задачам его царствования. Называя папу лишь «Иаковом из Каора», как тот называл его только «герцогом Баварским», он прибег к какому-то воображаемому судебному пра-

Коронация Людовика Баварского в соборе святого Петра в Риме. Ее производит Гвидо Тарлати ди Пьетрамале, епископ Ареццо. Рельеф с гробницы этого епископа в Ареццо.

ву для произнесения приговора, по которому папа был присужден к низложению за еретичество, симонию, государственную измену и все преступления, которые только можно было наскоро подобрать. Затем он возвел на папский престол одного простого минорита под именем *Николая V* (1328 г.).

Но эти успехи закончились. Счастье быстро отвернулось. Вследствие целого ряда ошибок он оттолкнул от себя самых выдающихся вожаков императорской партии, как, например, могущественнейших и наиболее значительных в духовном отношении гибеллинских главарей в Тоскане: Каструччо Кастракани и Висконти в Милане. В Риме от него тоже отшатнулись, потому что народ был недоволен подачкой в 30 тысяч золотых гульденов, так что Людовику пришлось поскорее спастись с этой жгучей почвы вместе со своим

**Возвращение.
Смерть
Фридриха. 1330 г.**

папой. Не могло быть и речи о завоевательном походе на Неаполь, задуманном Людовиком в союзе с сицилийским королем Федерико. В декабре 1329 г. император вернулся в Германию, не успев нигде основать ничего прочного, в то время как антипапа смиренно заявил в Авиньоне о своем отречении, а в следующем 1330 году после публичного покаяния в своей вине с выражением всяческого раскаяния снова был принят в церковное лоно. Однако императорский титул — единственная добыча, привезенная из итальянского похода, — был все же немаловажен, а смерть Фридриха, последовавшая в том же году,

Ян Люксембургский, король Чехии (1310–1346). Бюст XIV в. Трифорий Пражского собора.

еще улучшила положение Людовика. Хотя Фридрих, особенно в последние годы, не придавал своей личностью никакого значения своему королевскому титулу, все же само существование другого короля тормозило деятельность Людовика и могло сделаться даже опасным для него. Обстоятельства вообще складывались благоприятнее для императора, чем для его предшественников. Самый могущественный из больших немецких домов, Люксембургский, долго оказывал ему надежную поддержку. Один из глав этого дома в то время, архиепископ Балдуин Трирский, выдающийся политик и столь же замечательный правитель своей области, не допустил обнародования папской буллы и оказал хорошее влияние как на Людовика, так и на своего племянника, второго главу Люксембургского дома, чешского короля Яна. Этот последний, очень одаренный человек, как многие из «Лютцельбургов», честолюбивый и беспокойный, сумел утвердить за собой и своим домом право на наследство после бездетного каринтийского герцога Генриха. Он же принял на себя то дело, которое не удалось императору в Италии, — роль третейского судьи, вооруженного нейтрального владетеля в разъединенной стране, в которой часто обращались к нему с просьбами, в надежде на свое дипломатическое искусство. Он мечтал о соединении Моравии и Чехии, Каринтии и Тироля, так же как и владений в Италии в одно большое территориальное целое. Но ему тоже не удалось основать прочного владычества в Италии, несмотря на столь блестящее начало. Скоро он возвратился из нее, предоставив завершение дела своему 15-летнему сыну Карлу. Однако, несмотря на завоевательные планы, опасные для дома Виттельсбахов, он успел снова заручиться благорасположением императора. Среди бесконечно разнообразных проектов династической политики этих государей был и план брака между маркграфом Людвигом Бранденбургским и одной из дочерей короля Яна. Император надеялся при этом, что Ян устроит его примирение с папой. Людовик желал этого примирения со всей трусостью святоши. Столкновение с главой церкви, даже если тот был только орудием чисто

его герцога Генриха. Он же принял на себя то дело, которое не удалось императору в Италии, — роль третейского судьи, вооруженного нейтрального владетеля в разъединенной стране, в которой часто обращались к нему с просьбами, в надежде на свое дипломатическое искусство. Он мечтал о соединении Моравии и Чехии, Каринтии и Тироля, так же как и владений в Италии в одно большое территориальное целое. Но ему тоже не удалось основать прочного владычества в Италии, несмотря на столь блестящее начало. Скоро он возвратился из нее, предоставив завершение дела своему 15-летнему сыну Карлу. Однако, несмотря на завоевательные планы, опасные для дома Виттельсбахов, он успел снова заручиться благорасположением императора. Среди бесконечно разнообразных проектов династической политики этих государей был и план брака между маркграфом Людвигом Бранденбургским и одной из дочерей короля Яна. Император надеялся при этом, что Ян устроит его примирение с папой. Людовик желал этого примирения со всей трусостью святоши. Столкновение с главой церкви, даже если тот был только орудием чисто

мирских поползновений и происков, слишком тяготило этого добродушного, но вполне заурядного человека, поэтому испытывавшего противоречивые чувства — что, впрочем, не было редкостью среди правящих лиц во все времена. Ян обманывал его или заставлял делать то, что хотел: он строил разные брачные и честолюбивые планы с французским королем, а император Людовик, ради примирения с курией, готов был даже в случае необходимости отречься от короны, которую получил бы тогда другой из Виттельсбахов, герцог Генрих Нижне-Баварский, зять Яна. Эта интрига, особенно выгодная французскому королю, была уже в полном ходу, но папа еще колебался. Между тем постыдный договор, по которому все Арелатское королевство с угодьями должно было отойти Франции, стал известным, и многие имперские города обратились по этому поводу с запросами к Людовику, который отрекся от всего в циркулярном послании к ним (1334 г.), чтобы кинуться потом на время в противоположную крайность — политику всех слабодушных.

В 1335 г. умер Генрих, герцог Тироля и Каринтии, и его наследие послужило поводом к ожесточенному спору, при котором Людовик и Габсбурги выступили сначала против Яна и его союзников: венгерского короля Карла-Роберта и некоторых имперских князей. В это время Людовик мог бы примириться с тем, что он считал церковью: преемник враждебного ему папы, умершего в 1334 г., *Бенедикт XII*, сам желал этого примирения, потому что тяготился французскими оковами. Однако новый папа тоже не мог высказать своего решения без согласия французского короля, а император раздражал последнего своей недостойной колеблющейся политикой. В споре, имевшем большое значение, он договаривался одновременно с Филиппом IV против английского короля Эдуарда III, а с Эдуардом против Филиппа. Повторные посольства его к папе не дали результатов. Собственно, Людовик и не нуждался в этом примирении, потому что общественное мнение в Германии стало на его сторону с самого начала спора так горячо, как не бывало еще при прежних императорах. Вперед все шли имперские города, ставшие в последние десятилетия арендой активной деятельности и стремления к прогрессу. Они отнимали у клириков одну область общественной деятельности за другой, внедряя новые порядки, сообразные с мирской точкой зрения. Наступила эпоха, в которую повсеместно завоевывал себе место, более или менее успешно, демократический элемент, цехи, втиравшиеся в городское управление наряду с элементом аристократическим — патрициатом. Это было достигнуто уже, например, в Шпейере (1327–1330), в Страсбурге (1332 г.), в Регенсбурге (1334 г.), в Базеле (1336 г.). Эти города очень спокойно переносили папский интердикт, Цюрих, например, в течение семнадцати лет. Некоторые из них прибегали и к устрашению духовенства, ставя ему на выбор: «либо петь, либо убираться прочь». В Эрфурте монахов, не соглашавшихся ни петь, ни звонить в колокола, заперли в

Печать Карла-Роберта, короля Венгрии (1308–1342). Париж. Национальный архив.

Положение Людовика. Съезд князей в Рензе.

монастыре и морили голодом, пока они не уступили. Но и само духовенство, больше и больше поддаваясь францисканским идеям, восставало против папы, и это было заметно не только в низшем клире. Вообще единомыслия в духовном сословии уже не было. Возникало множество споров при избрании епископов. Особенно долго тянулся один, из-за майнцской кафедры, между Балдуином Трирским и Генрихом (фон Фирнебургом) Кельнским. Наконец, после неудачной попытки общего примирения, сделанной некоторыми епископами на съезде в Авиньоне (1338 г.), в том же году последовала весьма знаменательная мера: шесть курфюрстов — все, кроме чешского, — съехались в рейнской деревне Ренс и составили декларацию, в которой оповещали всех о своем решении ни для кого не поступаться своими избирательными правами. Избранный всеми курфюрстами или их большинством глава государства не должен был нуждаться в соизволении апостолической кафедры для исполнения своих обязанностей.

**Франк-
фуртская
декларация.**

Дело становилось серьезным для папского престола. На съезде, созванном во Франкфурте-на-Майне, на который явились представители от двух третей Германии, Людовик представил свое дело как бы на суд нации. Присутствовавшие духовные лица выразили мнение, что им, королем, сделано все, чего только можно требовать, для удовлетворения церкви и что с ним поступили крайне несправедливо. Поэтому съезд решил восстановить богослужение во всей Германии с признанием недействительности интердикта. Противящиеся этому подлежали наказанию, как государственные преступники. Затем были признаны начала, выработанные съездом в Ренсе. Вслед за этим Людовик 8 августа издал декларацию, гласившую о непосредственно божественном происхождении королевской власти и о том, что избранный всеми курфюрстами или их большинством становился после этого, и только после этого, королем и императором. Теория государственного права, которую проводили за 14 лет до этого (1324 г.) Марсилиус Падуанский и Иоанн Яндунский в своем общем трактате «Defensor pacis», теперь торжественно признавалась. Через несколько недель при свидании императора с английским королем Эдуардом III в Кобленце она была подтверждена и принята ими за руководство для общей программы действий. Этот съезд был особенно блестящ: на рыночной площади в Кобленце, перед императорским тронном, стоял английский король, принимающий грамоты, которыми он облакался в звание римского наместника в нижнерейнских провинциях. Против сопротивлявшегося духовенства здесь были приняты строгие меры, и в нем обнаружился раскол. Обе стороны не жалели обоюдных ругательств, о чем имеется много свидетельств, но, в общем, преданное правительству духовенство получило перевес, и это движение было так сильно, что в следующем году и чешский король на деле примкнул к программе, выработанной в Ренсе (1339 г.).

**Приобретение
Тироля.
1342 г.**

К сожалению, сам Людовик не удержал такого блистательного положения и продолжил идти прежней дорогой уступок и вымаливаний, стараясь примириться с папой. Он был так ограничен и малодушен, что сам не верил в отважное провозглашение независимости, которое действительно могло послужить освобождению всего христианства или, по крайней мере, немецкой

нации, от ига совершенно извращенной духовной власти. Это было, впрочем, не последним примером того, как лично храбрые государи в своей борьбе с исполинским призраком папизма после своего первого смелого натиска робели и трусливо отступали назад. Союз с Эдуардом III, столь важный для Людовика в этой борьбе, поддерживался им тоже очень двусмысленно. Нельзя утверждать, что этому слабохарактерному человеку не доставало того, что люди называют счастьем. В 1340 г. угасла ниже-баварская линия Виттельсбахов с кончиной 10-летнего сына Генриха II, и ниже-баварские государственные чины, радуясь случаю, выбрали Людовика своим государем. Одновременно ему предоставлялась возможность присоединить *Тироль* к прекрасным баварским владениям, хотя и не вполне безупречным путем. Наследница Тироля Маргарита, дочь герцога Каринтийского Генриха, находила основательные или неосновательные причины для жалоб на своего супруга Иоанна-Генриха, второго сына Яна, чешского короля, и тайно предлагала императору свою руку для его овдовевшего сына маркграфа Людвига. Нежелание его взять жену, которая носила прозвище Маульташ, не представило непреодолимого затруднения, но были и другие препятствия. Иоанн-Генрих был законным супругом графини Маргариты и княжил в области. К расторжению брака не было сколько-нибудь подходящего повода. К тому же такое расторжение зависело исключительно от папы, а получить его при данных обстоятельствах было решительно невозможно, не говоря уже о церковных препятствиях к браку между лицами, состоявшими в третьей или какой-то подобной степени родства, а таково было именно отношение предполагаемых жениха и невесты. Но в человеческой душе, особенно в душе слабого человека, уживаются самые грубые противоречия: тот самый государь, который ради примирения с главой церкви был готов пойти на крайнее унижение, — на отречение от престола, — теперь, из династической корысти, не задумался объявить брак Маргариты недействительным и далее, в силу своей императорской власти, нашел и родство брачующихся не препятствием. Если бы, значилось в документе, такое родство было преградой, то никакой папа, даже ангел небесный, не мог бы дать в этом случае разрешения. Между тем папа часто разрешал подобные браки, из чего видно, что дело касается лишь людского устава, а допускать изъятия из такого устава — дело императора. Таким образом, с помощью недовольных люксембургским князем дворян он был изгнан из Тироля, и второй брак его жены состоялся (1342 г.).

*Голова статуи Людовика
Баварского с его гробницы.
Мюнхенский собор.*

Антико-
роль Карл
Чешский.

Безрассудство, с которым Людовик ради усиления власти своего дома присвоил себе права, принадлежащие исключительно церкви по религиозным и правовым понятиям того времени, снова настроило против него князей. Люксембургскому дому была нанесена тяжкая обида, а разрыв с папским престолом обострился, тем более что папой был, после смерти Бенедикта (1342 г.) Климент VI, друг Люксембургов. Людовик повернул назад: его императорская

*Ян Люксембургский, король Чехии, в полном вооружении.
С печати Яна Люксембургского.*

*На его щите изображен польский орел, на значке копья — чешский двухвостый лев,
на попоне коня — люксембургские львы.*

заносчивость сменилась смирением. Но папские притязания были направлены уже грубейшим образом не столько против императорских, сколько против княжеских интересов: церковный спор вступал на новую почву и становился опаснее для папства, в ослеплении вступившего на эту почву. Князья имели основания упрекать императора, что он плохо действовал в их пользу, которая была, вместе с тем, и государственной пользой, и у них назревал план — придать императору в помощь еще и римского короля. Вступив в переговоры с ним, они предложили ему Карла, сына чешского короля. Между тем удача не покидала Людовика. В 1345 г. граф Вильгельм IV, владевший Голландией, Зеландией, Утрехтом, Фрисландией и Геннегау, пал в битве с восточными фризами: с ним кончился род графов Голландских по мужской линии, и ближайшей его законной наследницей, любимой населением, была старшая сес-

тра покойного Маргарита, супруга императора Людовика, который и предоставил ей в лен владения, оставшиеся после ее брата (1346 г.). Это вызвало полное сплочение его врагов. В апреле того же года папа вновь объявил Людовика отлученным от церкви и потребовал от курфюрстов избрания нового главы государства. Пятеро из них повиновались, и в Ренсе, от имени Саксонии, Чехии и трех архиепископов был избран королем старший сын Яна Карл, маркграф Моравский.

В числе других уступок папе — или, вернее, тому, кто властвовал над папой в данную минуту, французскому королю, — Карл давал обещание отдавать на решение папы все споры между Францией и Германией, как настоящие, так и будущие. Такое обязательство не тяготило его: подобные клятвы давались не с тем, чтобы их выполнять. Это избрание почти не пошатнуло положения Людовика: Карл, папский король, не мог даже добиться коронования. Город Аахен запер перед ним свои ворота; вообще, города стояли за Людовика, а это было основным в данную минуту. Несмотря на всю неустойчивость своей политики, Людовик выказывал свое расположение к горожанам и сделал для городского устройства больше, чем кто-либо из его предшественников. На городском

Людовик Баварский. Статуя сего гробницы, выполненная в 1470 г. Мюнхенский собор.

съезде в Шпейере (сентябрь 1346 г.) городские представители весьма определенно высказались в его пользу, и многие владетельные князья, тоже бывшие на съезде, последовали их примеру. Немецкая корона укрепилась, а поражение, понесенное незадолго до того французами при Креси в битве с англичанами, в которой участвовали отец и сын Люксембурги, находившиеся во французском лагере, ослабило на время и значение короля Карла. Король Ян, его отец, пал в сражении; Карл был тяжело ранен. Удачно добравшись до своей наследственной территории, Чехии, он стал готовиться к наступательным действиям (1347 г.). Смерть избавила Людовика от необходимости отразить нападение. Охотясь на медведя вблизи Мюнхена, он был сражен апоплексией и скончался,

призывая Пресвятую Деву, которую чтит больше, чем кто-либо другой из германских государей. «Царица сладчайшая... Матерь наша...» — произносил он, умирая (октябрь 1347 г.). Он дожил до 60-летнего возраста.

Смерть
Людо-
вика.
1347 г.

34-летнее царствование Людовика Баварского было значительным для Германии, несмотря на то, что он лично может казаться несоответствующим своему высокому положению. При его правлении явно начинаются новые времена, хотя сам он мало соответствует этим новым временам и их мировоззрению, оставаясь непреклонным в своих прежних религиозных понятиях и усвоенной набожности. Но повсюду, среди ученых и неученых, в народе и в знати, возникает новое, решительно *антиклерикальное* и *антипапистское* направление. Мы уже видели, что это движение, замечаемое лишь весьма немногими современниками, как это обыкновенно бывает, находилось во внутренней связи с развитием городской жизни в эту эпоху. Борьба за городские права, происходившая под разными видами и с большой или меньшей силой в большинстве немецких городов с целью уничтожения или, по крайней мере, ограничения сословных привилегий, порождает всегда и нужных бойцов для гражданской битвы; она формирует их. Но, прежде всего, такое движение способствует огромному развитию трудовой деятельности, промышленности, изгоняя мечтательный, аскетический, фантастичный взгляд на жизнь, еще так сильно господствовавший в предшествовавших поколениях, — в поколениях, современных крестовым походам. Идея государственного порядка проложила себе путь в виде идеи независимых автономных *городских общин*, в которых возродилась, в духе времени, древняя немецкая народная община. Принцип сообщества, связывающий всех городских обывателей и создающий их «общину», показал здесь свою созидательную государственную силу заключением союзов между городами, их мирными договорами, распространением правосудия и порядка. Лежавшие в развалинах замки и крепости разбойничавших рыцарей уже повсюду свидетельствовали о могуществе, достигнутом этими городскими общинами; но они впервые заявили свою политическую силу в царствование Людовика. Интриги курфюрстов, выставивших антикоролем Люксембурга, не имели успеха, и Людовик продолжал спокойно царствовать или, вернее, исполнять свою королевскую обязанность, потому что настоящее владычество, если иметь в виду главную из сил, двигавших народом, уже не принадлежало больше немецким государям. Города стояли за Людовика, потому что он сочувствовал городскому сословию и городской жизни, сердечно понимая их нужды, не был «королем рыцарства», как прежние государи. Вследствие этого он обладал могуществом, которое придает большое значение его личности, в сущности, весьма посредственной.